

**ИХ ОБЪЕДИНИЛО АРАЛЬСКОЕ МОРЕ:
эпизод из жизни Т.Г.Шевченко**

В моем домашнем архиве –многочисленные свидетельства дружбы с Леонидом Наумовичем Большаковым.

Первую свою книжку - «По следам оренбургской зимы» о он презентовал мне весной 1969 года. Последующие его произведения – целая библиотека! Были получены в течение трети века. Они бережно хранятся и весьма плодотворно используются в исследовательской работе. Недавно мною были написаны свыше пятисот статей для готовящейся к выходу в Киеве, в институте литературы национальной академии наук четырехтомной «Шевченковской энциклопедии». Несколько десятков статей основываются на открытиях Леонида Наумовича.

Нам выпало встречаться неоднократно. Помнятся волнующие беседы в издательстве «Маяк», где я работал в первые годы нашего знакомства; в стенах Одесской государственной научной библиотеки имени М.Горького, где я работаю вот уже несколько десятилетий; мы бродили по улицам черноморского города с памятными знаками в честь Т.Г.Шевченко, который так стремился сюда, чтобы свидеться с Варварой Репниной, Андреем Лизогубом, Аркадием Вегжиновским, - но так и не попал в Одессу.

Переписка с Большаковым была интенсивной. Мы помогали друг другу решать очень сложные вопросы биографии и творчества поэта. С глубоким волнением я встречал каждую новую работу Леонида Наумовича и откликался не только в письмах, но и в печати. Просматривая свой библиографический указатель, нахожу в нем статьи «Неопубликованный Пестель» (1973), «Мандривк в крайну поет» (1982), «Беспокойство неустанного поиска» (1983), «Быль о Тарасе» (1994). О находках и мыслях Л.Большакова шла речь и в ряде других материалов.

Сейчас, когда Леонида Наумовича уже нет среди живых, я не забыл о нем. Вот самый мой последний рассказ литературного следопыта, в котором присутствует человек, о котором писал и Большаков.. Он напечатан в журнале «Науковий світ», издаваемом Высшей аттестационной комиссией Украины (№ 1, 2008 г.). Я не стал переводить украинский текст. Пускай остается в первоизданном виде в память о Леониде Наумовиче, который вышел с Украины и остается дорогим для нее как один из крупнейших шевченковедов.

Надеюсь, и повествование о судьбе Алексея Ивановича Макшеева будет встречено с тем пониманием, которое связывало нас с Большаковым, писавшим на разных языках, но ощущавших сердце друг друга.

Григорий Зленко, писатель. Действительный член Научного общества имени Т.Г.Шевченко, Заслуженный деятель искусств Украины.

В сопроводительном письме к присланному материалу Григорий Демьянович написал: «Душевно признателен за «Оренбургскую Шевченковскую энциклопедию». Мне ее очень не хватало. В свое время «ОШЭ» не пришла по причине запрета на пересылку «особо ценных изданий». Слава Богу, кажется, с этим уже покончили».(Энциклопедию эту с дарственной надписью Леонида Наумовича, сделанной в мае 1997 г. я обнаружила совсем недавно и отправила по назначению. Таким образом шла она к адресату больше 10 лет – Т.Большакова).

Мы все же решили дать возможность читателям познакомиться с исследованием Г.Д. Зленко на русском языке, в чем нам любезно помог В.Н.Пономаренко, осуществив перевод статьи.

Их объединило их Аральское море

Долго и, казалось совершенно безнадежно, я разыскивал первоначальное изображение этого человека. Было известно, что в 1848 году, во время экспедиции на Аральское море, его нарисовал Тарас Шевченко. Сам изображенный на портрете оставил такое сообщение: «В китайке со мною жил Тарас Григорьевич Шевченко. По утрам он рисовал акварелью мой портрет, но со сходством ему не везло. И поэтому он его не закончил. Руки и

отчасти одежду дорисовал затем казак Александр Чернышев, родной брат известного художника, и в таком виде портрет сохранялся у меня. Я ценю его как прекрасную картину, как память о Шевченко. К великому сожалению, дочь изображенного через треть столетия после его смерти сообщила: «Этот портрет... пропал с квартиры... весной 1921 года».

Я внимательно изучал биографические и библиографические материалы, которые так или иначе касались знакомого Шевченко. И вот в труде генерал-майора Николая Глиноецкого «Исторический опыт Николаевской академии Генерального штаба» (1882) обнаружил воспоминание, что в 1869 году в журнале «Всемирный путешественник» были опубликованы заметки «Из дневника русского путешественника в Алжире» с портретом желанной мне особи. Эта публикация якобы увидела свет и в отдельном виде. Разыскав весьма раритетный сегодня тридцать второй выпуск упоминаемого периодического издания, которое чудом сохранилось в фондах Одесской государственной научной библиотеки имени М.Горького, я натолкнулся в нем на заметки «Из дневника...», под которым стоит криптоним А.М., и графический «Портрет путешественника» без ссылки на имя последнего. Криптоним известного «Словаря псевдонимов» Ивана Макарова не был дешифрован, однако сомнений, что это именно тот, который я так хотел увидеть, развеялись после первого же абзаца текста: «Проведя шесть лет на юго-восточной окраине России с того момента, когда только-только началось непосредственное движение россиян в киргизские степи и на Сыр-Дарью, я между делом увлекся вопросом об отношениях между Россией и Азией и, в общем, Европы к Азии». Передо мной предстал изображенный в полный рост Алексей Иванович Макшеев, когда его возраст приближался к середине.

Сведения о Макшееве имеются в многочисленных справочных изданиях, даже в «Энциклопедии украиноведения» (1994, т. 4). Но точная дата рождения – 12 мая (по старому стилю) 1822 года имеется только в труде М.Глиноецкого, откуда она и перешла в словарь И.Масакова (т.5). Не стоит

искать во всех справочниках место рождения и сведения о родословной. С уверенностью можно сказать, если принять к сведению то, что Макшеев воспитывался в Новгородском графа Аракчеева корпусе, а отсюда – в Дворянском полку, который был элитным войсковым формированием, позже превращенным во второе Константиновское училище, что родители Макшеева занимали значимое место среди богатых слоев. В 20 лет Алексей Иванович стал прапорщиком лейб-гвардии Литовского полка, через два года поступил в Николаевскую академию Генерального Штаба и окончил ее весной 1847 года, добровольно избрав дальнейшее место службы на восточной окраине империи, в отдельном Оренбургском корпусе, куда прибыл 23 декабря этого же года.

Это же время рядовым корпуса в расквартированной в Орске третьей роте пятого линейного батальона был политический ссыльный Тарас Шевченко, отданный в войска под строжайший надзор с запретом писать и рисовать. В первой декаде мая 1848 года он был зачислен в состав будущей Аральской описательной экспедиции под командой капитан-лейтенанта Алексея Бутакова. Членом этой экспедиции стал также Макшеев. И хотя он 4 мая приезжал из Оренбурга в Орск, познакомиться с Шевченко ему довелось только во время движения транспортов, которые шли из Орской крепости в Раимское укрепление. О своих отношениях с поэтом Макшеев рассказал в книге «Путешествия в Киргизских степях и Туркестанском крае», изданной в 1896 году, когда автора уже не было в живых.

«В первом переходе я познакомился с Т.Г.Шевченко... Я предложил несчастному поэту и художнику пристанище во время похода в своей джоломайке, и он принял мое предложение. Весь поход Шевченко осуществил пешком, отдельно от роты, в гражданском легком пальто, так как в степи ни от кого, а особенно от него, не требовали соблюдения формы одежды. Он был очень веселым и, очевидно, очень удовлетворенным раздольем степи и сменой обстановки. Походные условия его ни сколько не тяготили... Он много рассказывал о мелочных эпизодах своей жизни, однако

о больших политических – никогда не говорил ни слова. Особенно отложился в моей памяти рассказ Шевченко о школе, в которой он учился... Другой его рассказ – о начале солдатской жизни... Единственная книга, которая была у Тараса Григорьевича с собой, была славянская Библия, а впрочем, он читал ее мало и никогда ничего не писал».

Макшаев рассказывает о совместном проживании с Шевченко в Раимском укреплении, где готовили шхуну, на которой должны были войти в Аральское море, о плавании по Аралу в одной каюте с поэтом, о чудесном акварельном альбоме пейзажей, созданном Шевченко. «В силу чрезвычайных обстоятельств, – говорит он, – альбом не был допущен вместе с другими описательными трудами, и художник лично подарил его Карлу Ивановичу Герну, который предоставил ему уют в своем доме в Оренбурге (*С Герном он познакомился во время перехода из Орска в Раимское укрепление, в Карабутаке, где тот руководил сооружением форта – Г.З.*). Несколько лет назад я обратился к родственникам покойного Карла Ивановича с просьбой разыскать альбом и позволить его издать, но, несмотря на заинтересованное отношение к данной просьбе, ни один из пейзажей Аральского моря до сей поры не найден (*Неизвестна судьба альбома и ныне – Г.З.*)

Осенью 1848 года Макшеев вернулся в Оренбург, а Шевченко остался с командой Бутакова в Кос-Арале, где формировали отчет о проделанной работе и готовились к ее продолжению. Связи прервались – и надолго. Лишь весной 1849 года Алексей Иванович получил письмо от младшего врача Раимского лазарета Арсентия Михайловича Лаврова, в котором была помещена небольшая вставка рукой Шевченко, публикуемая ныне как один из четырех эпистолов поэта, обозначенных 1849 годом.

«Я уже два месяца как оставил свою резиденцию Косарал, почему и не могу вам сообщить ничего нового о тамошнем житье-бытье любезного Алексея Ивановича (имеется в виду А.Бутаков – Г.З.), а о Раиме и говорить нечего – неизменный! В воспоминании вашем о плавании по морю бурному Аральскому оставьте уголок для незабывающего вас Т.Шевченко».

Это единственное письмо поэта к Макшееву сохранилось в семейном архиве Алексея Ивановича, и было опубликовано Натальей Алексеевной Макшеевой в киевском журнале «Жизнь и революция» в 1927 году, без выяснения личности Лаврова, переименованного в Лаврентия. Через тридцать лет Данил Иофанов опубликовал уточненный документ, исправив некоторые описки, но вновь не прокомментировал личность «А.Лаврова». В книге Д.Иофанова «Материалы о жизни и творчестве Тараса Шевченко» (1959) был представлен автограф Шевченко, – однако в последнем шеститомном собрании сочинений поэта (2005, т.6, стр. 47) текст письма не в полной мере отвечает этому автографу. Еще обиднее то, что личность А.М.Лаврова вновь оставлена без объяснения, хотя давно – с 1971 года, существует книга Л.Большакова «Годы невольничьи», где среди окружения Шевченко находим также Лаврова Арсения Михайловича, который лечил поэта, в частности, с 10 по 30 августа 1848 года (автор ссылается на архивный документ). Покойный Василий Шубравский не заметил труд Л.Большакова, оставив открытие личности А.М.Лаврова для будущего комментатора писем поэта.

Шевченко и Макшеев не виделись до апреля 1860 года. Поэт вернулся из ссылки, съездил на родину, осуществил новое издание «Кобзаря». «В Петербурге Шевченко чуть ли носили на руках. Он стал знаменитостью, но я с ним не виделся, – вспоминал после Алексей Иванович. – Он не посчитал нужным навестить давнего товарища, с которым в трудную пору своей жизни делил хлеб-соль и не имел даже малейших неприятностей. А я не считал возможным ехать на поклон к знаменитости, в которой хотел бы видеть, прежде всего, человека. Только однажды мы встретились издали на каком-то спектакле (это была «Провинциалка» Ивана Тургенева и «Женитьба» Николая Гоголя – Г.З.) в огромном зале театра, и Шевченко послал мне глазами и рукой дружественное приветствие, на которое я ответил тем же. Вскоре он умер».

Память о поэте жила в его душе. В конце 1850-х годов, находясь в заграничной командировке, Алексей Иванович познакомился с художником

Евграфом Сорокиным, будущим академиком (с 1861), профессором исторической живописи. Рассказал ему о своем участии в Аральской экспедиции, знакомстве с Шевченко. Выяснилось, что Сорокин учился одновременно с поэтом в Академии искусств; он с большой теплотой вспоминал совместную учебу.

Прошло почти полтора десятка лет. Зимой 1871 года Макшеев неожиданно получил письмо Сорокина. Евграф Семенович обращался с просьбой о содействии одному из почитателей покойного Шевченко, который собирал материалы для его биографии. «Узнав от меня, – писал Сорокин, – что Шевченко был в команде вашей экспедиции по Аральскому морю, он просит ... сообщить, по возможности, все, что знаете и помните о его деятельности во время пребывания в Орской крепости, тем обяжете за вас вечно Бога молить меня и своего биографа-хохла, преподавателя истории в нашем Строгановском училище В.И.Маслова».

Маслов, как после сообщил Сорокин, был восхищен ответом Макшеева. Однако воспользоваться им он сразу не смог, так как сначала попал под арест по политическим мотивам, а после заболел и остался без средств к существованию.

В 1874 году он опубликовал в журнале «Грамотей», а после еще и отдельной книгой биографический очерк о Шевченко – первую попытку этого труда. Здесь он преподнес некоторые сведения о Шевченко, которые сообщил Макшеев, о чем сообщил последнему только в ноябре 1880 году, пообещав когда-нибудь доставить публикацию, – но вскоре умер. Очерк Маслова во второй раз увидел свет в 1887 году, но за 5 лет до этого вышли материалы к биографии Шевченко, упорядоченные Михаилом Чалым, который воспользовался также воспоминаниями Макшеева, опубликовавшимися под сокращенным именем М – в (считают, что Маслов передал ему кое-что из собранного, в частности, заметки Алексея Ивановича).

Макшеев отошел в мир иной 2 апреля (по старому стилю) 1892 года. Его наследницей стала дочь Наталья Алексеевна, которой тогда исполнилось 23 года. Она занималась исследованиями в области истории русской письменности и знала цену отцовским литературным произведениям. В 1896 году она издала его записи об участии в Аральской экспедиции А.Бутакова, которые несколько порой кратких, а порой пространственных воспоминаний о Шевченко (теперь они доступны каждому заинтересованному читателю – достаточно открыть том воспоминаний о поэте в издании 1892 года). К 100-летию со дня рождения Тараса Григорьевича подготовила и напечатала свое миниатюрное предисловие в журнале «Русская старина» (1914, №5) «Воспоминания А.И.Макшеева о Т.Г.Шевченко». Когда сравниваешь этот текст с тем, который вошел в книгу «Путешествие по киргизским степям и туркестанскому краю», находишь вереницу присущих только «Русской старине» деталей, имеющих также в материалах, составленных Н.Чалым. Очевидно, последняя публикация была ответом, присланным в свое время Василию Маслову; позже для «Путешествий по киргизским степям...». Макшеев существенно доработал их.

Неизвестно по чьей инициативе Наталья Алексеевна осветила взаимоотношения отца и поэта в основополагающей статье «Т.Г.Шевченко в Аральской экспедиции», которая вошла в мартовский номер журнала «Жизнь и революция» в 1927 году (стр.345-351).Издание сопровождалось следующим редакционным замечанием: «Редакция размещает эти материалы дочери Алексея Макшеева, которые специально направлены в наш журнал и теперь преподносятся в переводе на украинский язык. Известные специалистам-шевченковедам воспоминания А.И.Макашева уже были опубликованы в журнале «Русская старина», но они мало известны широкому кругу украинских читателей, и поэтому редакция считает, что не помешает еще раз возобновить бытовые обстоятельства путешествий Шевченко по Аральскому морю. Статья Н.А.Макшеевой интересна еще и тем, что преподносит

некоторые новые материалы времен той экспедиции. , а также раскрывает историю первых попыток биографии Шевченко».

Наталья Алексеевна Макшеева жила тогда в Ленинграде по адресу: улица Союза печатников, 18, квартира 27. В начале второй мировой войны ей было 72 года. Где и когда оборвалась ее жизнь? Остался ли кто из семейства Макшеевых в нынешнем Санкт-Петербурге? Это так бы хотелось знать. Ведь разговор о Макшееве и Шевченко, собственно, только начался.